

Жизнь и необычайные приключения писателя Войновича

Хроника себя

31

№41
(1679)11
марта
2005

РОМАН И ГАЗЕТА

НОВЫЕ ИЗВЕСТИЯ

Войнович Роман
и Газета

11.03.05

Глава вторая Таджикско-еврейский сатирик-рабочий

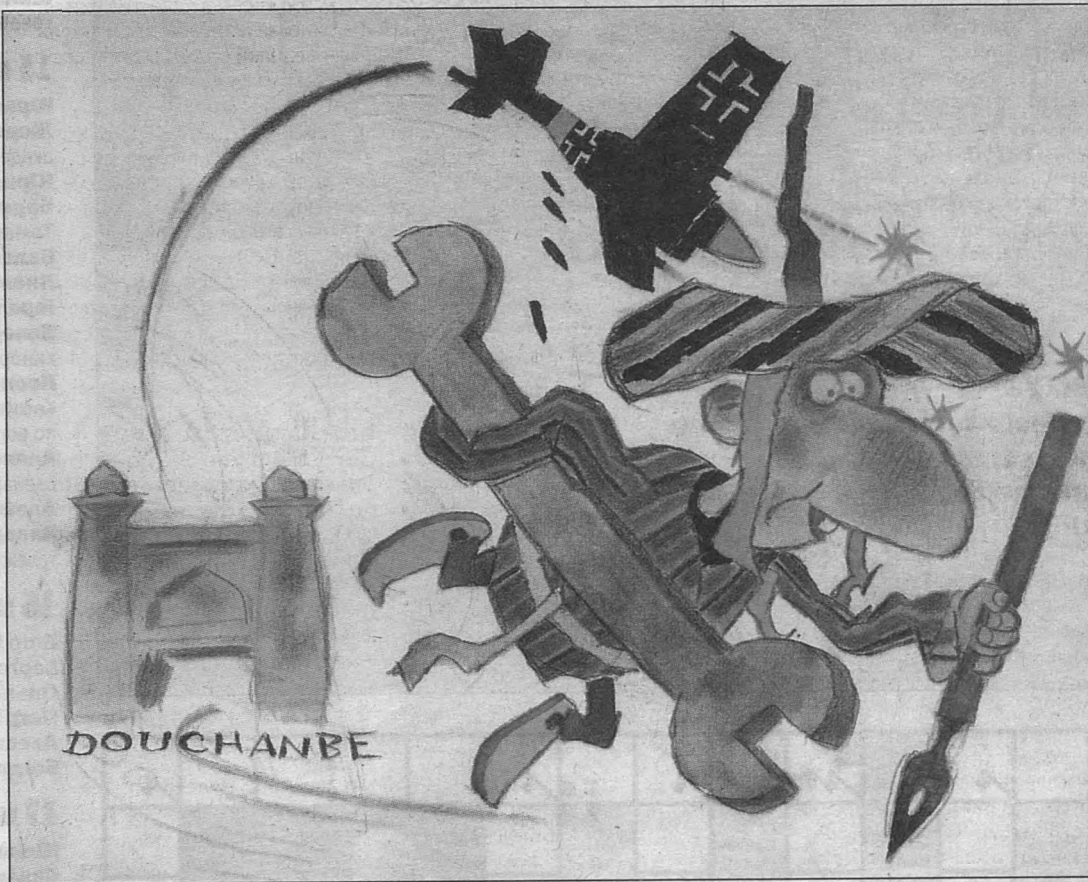
Мой отец, по рассказам матери, до ареста был веселым и компанейским, а после освобождения стал нелюдимым и замкнутым.

По взглядам он был идеалист, по склонности души проповедник, по характеру скромник, а по образу жизни аскет.

Я знал очень многих людей, призванных к исполнению моральных законов, которые сами не блюли. И я не знал никого, кто бы, как мой отец, так неутомительно и до крайностей следовал собственным нравственным установлениям. Он был уверен, что жестокость, проявляемая человеком к человеку, начинается с закалывания свиньи. Сам он не только не ел мяса, но не носил ничего мехового и кожаного: ни воротника на пальто, ни ботинок, ни ремня, ни ремешка для часов. Он исключил из своего рациона рыбу, яйца и молоко. Еще удивительнее, что он не употреблял в пищу фрукты, считая их излишней роскошью, и овощи, кроме картошки и капусты. Да и во всем остальном не давал себе поблажек: спал на жестком, умывался ледяной водой. Он и меня с младенчества пытался склонить к спартанскому образу жизни, приводя в пример исторические личности, из которых князь Святослав клал под голову седло, а генералиссимус князь Суворов предпочитал шинель перине. «Хлеб да вода – молодецкая еда» – была его любимая присказка. И еще того же рода наставление: «Держи живот в голоде, голову в холоде, ноги в тепле. Избегай докторов и будь здоров». Отец обижался, когда я называл эти его взгляды утопией...

Он пережил все, что выпало на долю его поколения: и голод, и холод, и тюрьму, и войну, с которой вернулся инвалидом. После войны работал в мелких газетах на невысоких должностях за малую зарплату, а потом получил и вовсе мизерную пенсию, но этого ему, как он сам считал, вполне хватало на все. Он остался идеалистом. Я вырос скептиком. Ни в какие рецепты скорого улучшения общества не верю и считаю, что все утопии при попытке внедрения в жизнь приводят человека к еще большему озверению...

В паспорте у меня записано, что я родился в Душанбе, но на это никто не обращал внимания до 1980 года, когда я оказался в Германии. Попав туда, скажем так, при не совсем обычных обстоятельствах, я привлек к своей персоне внимание журналистов. Давал в день по несколько интервью. Меня спрашивали, я отвечал: родился в Душанбе, потом жил в другом таджикском городе, в восемь лет перед самой войной уехал на Украину, в Таджикистане с тех пор ни разу не был. Потом были две эвакуации, работа в колхозе, на заводе, служба в армии... Простодушно повторял одно и то же, поскольку и жизнь у меня одна, без вариантов. Говорил, будто заполнял анкету. Отвечал, не подозревая, какая картина сложится в итоге. Когда же все эти интервью одно за другим вернулись ко мне в печатном виде, я был, мало сказать, удивлен тем, что извлекли из общения со мной журналисты. Я тогда знал немецкий очень плохо, но и моих скудных знаний оказалось достаточно, чтобы оторопеть.

ГЕННАДИЙ НОВИЧЕВ

Одна газета сообщала читателю, что я простой рабочий из Душанбе, который написал роман о русском солдате и приехал в Германию для чтения лекций. Другая называла меня простым таджикским рабочим, Третья – простым рабочим среднеазиатским. Вскоре мне представился случай эту чушь опровергнуть. Выступая в Баварской академии изящных искусств (бывшей резиденции баварских королей), я сообщил публике, что, вообще-то говоря, я не простой рабочий, а профессиональный литератор. И не таджикский, а русский. В Таджикистане я прожил первые восемь лет, а следующие сорок прошли в отдаленных от этой страны местах. Да, когда-то мне приходилось работать физически, но уже

после того, как я закончил школу, пошел в школу, а потом в университет. Я был студентом журнала «Штерн», и сообщил, что хочу взять у меня большое интервью, в котором ничего, конечно, не исказит. Бородатый Зерке провел у меня дома чуть ли не неделю. Мы выпили с ним несколько бутылок водки, не говоря уж о пиве, и я рассказал ему по-английски все, что мог. Поведая в том числе и историю о том, как меня в 1957 году не приняли в Литературный институт, посчитав, что моя фамилия с окончанием на «ич» – еврейская. Зерке слушал, кивал бородой, ничего не записывал, объясняя, что память у него очень хорошая. Я надеялся, что он покажет мне текст, прежде чем напечатать, Зерке сказал, что на Западе визировать интервью не принято, но мне не стоит беспокоиться, он

более: «...отягченный еврейской фамилией, подвергался преследованиям и был вынужден покинуть Советский Союз». Доказывать (где?! кому?!), что я не еврей, да и фамилия у меня «тоже не» – глупо и стыдно, а если не говорить, тогда что получается? Впервые, получается, что меня преследовали и выгнали не за то, что я написал «Чонкина» или подписывал петиции в защиту кого-то, и вообще «не за то, а потому». Потому что мне, несчастному, досталась такая страшная (пострашнее, чем Рабинович или Шапиро) фамилия. Во-вторых, с некоторых пор в Германии евреи пользуются льготами по сравнению с другими иммигрантами, и выходит, что я, называвший себя русским в СССР, теперь решил изменить национальность из корыстных соображений... «Штерн» – журнал известный. Номер с моим интервью попал в Югославию, и оттуда поступили вопросы. Незадолго до того некоторые югославские Войновичи пошарили по родословным, признали меня своим и получили от меня подтверждение, что я и есть тот, за кого они меня принимают. Теперь они выражали недоумение.

Ксения Войнович, старушка из Загреба, написала мне, что против евреев ничего не имеет, со мной лично готова дружить и дальше, «но, подчеркнула, – если Ваша фамилия не сербская, значит, мы, к сожалению, не родственники». Я вынужден был объясняться: «Ксения, дорогая, у меня мама еврейка, но по папе я все-таки Ваш родственник и, судя по книгам, Вы являетесь мне семияюродной тетей». Неприятности эти повторялись многократно. Почти каждая рецензия на мои книги сопровождалась справкой: «Простой таджикский рабочий, отягченный еврейской фамилией...» Читая о себе этот бред, я впадал в меланхолическое состояние. Но прошло какое-то время, и раздражение мое более-менее затихло. До той поры, пока в 1992 году великодушные власти города Мюнхена не решили отметить мое 60-летие. Объявление о моем авторском вечере было помещено в газете «Абендцайтунг». Газету с криком «Воллода, здесь о тебе статья!» нам принесла соседка. Первой газету взяла моя жена. Пробежала заметку глазами и стала газету сворачивать, что-

Один очень умный немецкий журналист сообразил, что я не совсем простой душанбинский землекоп.

«Профессор, – поинтересовался он, – а не является ли ваш визит признаком улучшения советско-германских отношений?»

Я, махнув рукой, согласился: да, является...

двадцать лет я занимаюсь только литературным трудом. Разве, задав я саркастический вопрос, в Баварскую академию принимают простых таджикских рабочих? После этого я кратко изложил более позднюю часть своей биографии: как жил в Москве четверть века, что делал и за что меня выгнали сначала из Союза писателей СССР, а потом и из Союза ССР. Выступление мое шло через переводчика, который, как я догадался, некоторые мои не очень академические выражения смягчал, чтобы не смущать почтенную публику. Поэтому почтенная публика, как мне показалось, не очень меня поняла. Кто-то посмеялся, кто-то пожал плечами. После выступления меня опять окружили журналисты. Один, очень умный, сообразил, что я не совсем простой душанбинский землекоп: – Профессор, – поинтересовался он, – а не является ли ваш визит признаком улучшения советско-германских отношений?

Я, махнув рукой, согласился: да, является. После него ко мне подошел бородатый человек Юрген Зерке, корреспон-

дент журнала «Штерн», и сообщил, что хочет взять у меня большое интервью, в котором ничего, конечно, не исказит. Бородатый Зерке провел у меня дома чуть ли не неделю. Мы выпили с ним несколько бутылок водки, не говоря уж о пиве, и я рассказал ему по-английски все, что мог. Поведая в том числе и историю о том, как меня в 1957 году не приняли в Литературный институт, посчитав, что моя фамилия с окончанием на «ич» – еврейская. Зерке слушал, кивал бородой, ничего не записывал, объясняя, что память у него очень хорошая. Я надеялся, что он покажет мне текст, прежде чем напечатать, Зерке сказал, что на Западе визировать интервью не принято, но мне не стоит беспокоиться, он

бы убрать подальше с моих глаз. Поняв, что дело неладно, я выхватил газету, развернул и прочел заголовок: «Hier klingt echt Russisch» («Здесь звучит настоящая русская речь»). И дальше: «Tadzykischer Satiriker liest aus seine werke...» («Таджикский сатирик прочтет из своих произведений...»).

Газету я порвал и выбросил. Но что делать дальше, не знал. Если б они написали на меня какую-то клевету, я мог бы подать в суд и проучить всех, кто пишет про меня неправду, раз и навсегда. Но утверждение, что я таджикский рабочий или сатирик, не клевета, а просто глупость.

Глупость – ну и ладно... Придя в зал, где должно было состояться мое выступление, я увидел, что на всех стульях лежат какие-то бумажки. Я взял одну из них и прочел очень лирический текст о том, как я страдал из-за своей еврейской фамилии. Так страдал, что вынужден был покинуть жестокою «Heimat» (родину).

Я был ужасно зол. Я вышел на трибуну. Я сказал публике:

– У вас там у всех лежат бумажки.

Порвите их. У меня фамилия не еврейская. Я страдал не из-за фамилии. Я был изгнан из СССР, потому что власть считала меня своим врагом. Я хотел бы знать, есть ли здесь журналисты из «Абендцайтунг». Если есть, я хотел бы их спросить: неужели вы не понимаете, что, когда перед вами будет выступать таджикский сатирик, вы услышите не настоящую русскую, а настоящую таджикскую речь?

Не договорив, я махнул рукой. В Германии от образованных людей я тысячу раз слышал вопрос:

– А что, разве русский язык и таджикский (узбекский, грузинский, армянский, якутский) – не одно и то же?

В ответ я спрашивал: почему люди, которые знают, что немецкий язык – это совсем не то, что французский или итальянский, не могут понять, что и между другими языками есть разница? «А мы, немцы, – слышал я всякий раз, – в национальностях не разбираемся...»

Я никогда не попрекаю немцев их нацистским прошлым: нынешние поколения не виновны в том, что творили их дедушки. Но мне часто хочется им сказать: как это вы не понимаете, когда именно вы пытаетесь решить, с какой нацией как поступить, кого поголовно сечь, кого обратить в рабство, кого приблизить к себе?..

Мой юбилейный вечер прошел хорошо. Я читал отрывки из своих книг, слушатели смеялись, аплодировали. После вечера ко мне подошел молодой человек, представился корреспондентом мюнхенской газеты «Зюддойче Цайтунг», одной из самых крупных в Германии, – и попросил об интервью.

– Хорошо, – согласился я. – Но если вы напишете, что я простой таджикский рабочий-сатирик и обременен еврейской фамилией, я вас убью. Он рассмеялся и сказал, что человек он добросовестный и, прежде чем что-нибудь напечатать, все тщательно проверяет.

Я дал ему интервью. Он его записал на магнитофон, долго работал над текстом. Когда интервью вышло, я со страхом взял в руки газету и... Нет, там не было утверждения, что я отягченный еврейской фамилией таджикский рабочий-сатирик. Там было справедливо написано, что я родился в Душанбе, но в возрасте восьми лет мне пришлось покинуть мою «малую родину» навсегда по очень серьезной причине.

Началась война, и мне пришлось бежать от немцев из Таджикистана на Украину.

Продолжение следует